

УДК 159.922

**САМООРГАНИЗАЦИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ЖИЗНИ***Н.Р. Салихова***Аннотация**

В статье на основе контекстуально-уровневой модели ценностно-смысловой организации жизнедеятельности субъекта систематизируются представления о феноменах самоорганизации в психологических системах, показывающие наличие гетеростазических тенденций на каждом уровне жизнедеятельности. Выявлено, что в психологии процессы самоорганизации наиболее изучены на уровнях деятельности и действия. Наименее исследована самоорганизация на метасистемном уровне со-бытийной общности. В качестве общих закономерностей самоорганизации на всех уровнях выступают открытость целей, невысокая степень конкретности её образа и факт трансформации цели в процессе активности. Перспективной проблемой исследований является раскрытие механизмов обратной связи в масштабных смысловых контекстах жизни.

Ключевые слова: жизнедеятельность, деятельность, действие, со-бытийная общность, регуляция, саморегуляция, самоорганизация, контекстуально-уровневая модель.

Один из важнейших подходов к исследованию деятельности в психологии отражён в методологическом принципе развития и самодвижения деятельности человека как её сущностной характеристике. В соответствии с ним закономерности процессов жизнедеятельности субъекта не могут быть раскрыты только в рамках представлений о регуляции, подразумевающей ориентацию на конкретные целевые состояния. Поскольку главным условием существования человека как открытой психологической системы, по утверждению В.Е. Ключко [1], является постоянный обмен с внешними по отношению к нему системами, которые, развиваясь по своим законам, также изменяются в течение жизни человека, то необходимо углублять представления о гетеростазических закономерностях построения жизненной активности, характерных для сложных открытых систем.

В разных областях психологии идея необходимости исследовать единство, с одной стороны, регуляции и саморегуляции, а с другой – организации и самоорганизации для раскрытия закономерностей функционирования и развития психики становится всё более общепринятой. Принцип сочетания адаптивного и неадаптивного типов активности в качестве сущностной характеристики деятельности человека и методологический принцип её самодвижения являются фундаментальными в деятельностном подходе (см. [2, 3] и др.). Аналогичные представления развиваются и зарубежными авторами. Так, Р.Дж. Стернберг (R.J. Sternberg), разрабатывая модель структуры интеллекта, содержащую наряду с исполнительскими и «познавательными» структурами уровень метакомпонентов,

регулирующих процессы переработки информации, выделил три типа отношений индивида со средой: адаптацию, внутренний выбор и конструирование реальности. Он считает, что устойчивое и эффективное взаимодействие человека и среды возможно при развёртывании всех трёх типов отношений. Сформулированные для отдельной области психологии, эти положения, как пишет А.В. Карпов [4, с. 54], уже приобрели общепсихологический характер.

В разных психологических концепциях и направлениях исследований накапливаются представления о феноменах самоорганизации в психологических системах. Целью настоящей статьи стала систематизация этих представлений в едином теоретическом пространстве, заданном контекстуально-уровневой моделью ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта. Эта модель была предложена на основе анализа и обобщения современных концепций смысловой регуляции жизнедеятельности и уровневых представлений об организации стилей активности человека [5]. В модели выделены качественно специфичные функционально-структурные единицы целостной системы жизнедеятельности человека как субъекта жизни. Они определяют соответствующие им уровни ценностно-смысловой регуляции, различающиеся по критерию *масштаба* регуляторного контура.

Центральный уровень задан *жизнью как целостностью* в единстве её деятельностной и бытийной сторон. Выше него располагается уровень *со-бытийных общностей*, образующий метасистему по отношению к системе жизни отдельного человека, в соотношении с которой человек определяет смысл своей жизни. Ниже центрального уровня расположено *пространство сфер жизни* как её подсистем, смысловое наполнение которых задаётся в рамках жизни в целом. Далее следует уровень *деятельности и общения*, из которых складывается сфера жизни. В качестве последнего выступает уровень *действия*. Совокупность всех уровней составляет *контекстуально-уровневую модель* ценностно-смысловой организации жизнедеятельности человека как субъекта жизни. Данная модель служит способом сегментации системы жизнедеятельности человека на разные по масштабу контуры¹ активности. Каждый из уровней, представляя собой структурно-функциональную систему, задаёт определённый масштаб организации жизни, или *горизонт* бытия.

На основании полученных в психологии данных и разработанных концепций можно утверждать, что процессы самоорганизации, так же как процессы регуляции и саморегуляции, реализуются на каждом из этих уровней. Сопоставление и систематизация полученных относительно каждого уровня данных в рамках одного теоретического пространства является первым шагом, необходимым как для поиска, обнаружения и фиксации универсальных закономерностей, общих для разных по масштабу контуров активности человека, так и для выявления и определения специфики процессов самоорганизации на каждом из уровней осуществления жизнедеятельности.

В первом приближении наиболее общим для всех уровней жизнедеятельности является положение о том, что в осуществлении процессов регуляции

¹ В аналогичном смысле о «контуре активности» писал А.Н. Леонтьев [2], термин «деятельностный контур» применял В.А. Карпов [4], описывая феномен удвоения контура при выполнении руководителем исполнительских функций.

и саморегуляции центральным, определяющим всю активность звеном является некоторое *целевое состояние*. Именно в прицеле на него строится система всех необходимых механизмов регуляции и саморегуляции, обеспечивающих гомеостазический, то есть адаптивный, режим функционирования. Как указывает А.Г. Асмолов, «подчинённость активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет существенную особенность поведения субъекта, характеризующегося как адаптивное» [3, с. 137].

К универсальным регуляторным механизмам можно отнести также и *установочные механизмы* стабилизации контура активности на каждом из уровней. На уровнях деятельности и её структурных составляющих А.Г. Асмоловым [6] разработано представление об иерархии установок, в соответствии с которым содержательные детерминанты деятельности – мотив, цель и условия осуществления действия – задают уровни смысловой, целевой и операциональной установок. Существуют основания утверждать, что установочные механизмы действуют и в более масштабных и интегративных контекстах целостной системы жизнедеятельности. К ним относятся диспозиции высшего уровня в регуляции поведения личности [7, 8], образованные ценностными ориентациями личности, которые составляют целевой блок контура саморегуляции на уровне отдельных жизненных сфер и жизни в целом.

Однако каждый уровень может быть представлен не только процессами регуляции и саморегуляции, но и надстраивающимися над ними процессами самоорганизации. Последние определяются открытостью человека содержанию, которое соответствует тому или иному уровню организации жизнедеятельности. Понятие *самоорганизация* является общенаучной конкретизацией философского принципа саморазвития. Оно обозначает способность системы к стабилизации путём направленного упорядочения её функциональных и структурных отношений с целью противостояния энтропийным факторам среды. Процессы самоорганизации характеризуются возрастанием упорядоченности системы, энергоинформационного взаимодействия со средой и процессов самоуправления [9, 10]. Это происходит при переходе от одного типа гомеостазиса к другому через состояния динамического хаоса, появление точек бифуркации, в каждой из которых возникает спектр потенциально возможных направлений развития системы. В результате подобных переходов изменяется тип саморегуляции системы.

Самоорганизующая активность является необходимым и существенным внутренним свойством самоуправляемой и саморегулируемой системы, проявляющимся как в её относительной самостоятельности, независимости от изменения внешних условий, так и в преодолении возмущающих воздействий среды и в подчинении последней своим внутренним целям. Она основывается на оптимальном сочетании стабилизирующих форм самоорганизации на основе отрицательных обратных связей с целенаправленной трансформацией систем на основе положительной обратной связи.

Выявленные в психологии феномены трансцендирования человека на разных по масштабу уровнях его активности показывают недостаточность регуляторной парадигмы и необходимость перехода к представлениям о самоорганизации. К ним можно отнести феномены неадаптивной активности в рамках отдельной

деятельности, которые зафиксированы: в понятии сверхнормативной активности, введённом В.И. Асниным (см. [3]); в понятии побочного, преобразующего деятельность продукта [11]; в проявлениях бескорыстного риска и в понятии надситуативной активности [12]; в понятии интеллектуальной инициативы [13] и феноменах инициации мыслительной деятельности в рамках тривиальной деятельности [14]. К этому же кругу явлений относятся различные формы самодетальности [15, 16], процессы целеполагания [17], феномены личностного выбора и самоопределения личности [18–19], активность человека как субъекта профессиональной деятельности и семейных отношений, субъекта и автора своей жизни [20, 21]. Всё это свидетельствует об открытости системы деятельности в целом, отдельных подсистем, а также более масштабных систем деятельности. Следовательно, самодвижение и трансцендирование человека, представляющее собой проявление гетеростатических закономерностей, происходит на разных по масштабу уровнях организации его активности.

Вариант обобщения данных явлений на теоретическом уровне предложен В.А. Петровским [12] в концепции субъектности личности. Учёный выделил мотивационные, целевые, операциональные и ориентировочные моменты надситуативности, означающие наличие гетеростатических тенденций на каждом из структурных уровней организации в рамках одной *деятельности*. Теоретические идеи, обосновывающие необходимость рассмотрения психического в парадигме самоорганизации открытых систем, выдвинуты в теории психологических систем В.Е. Ключко [1]. Он обосновал целостное представление о человеке как открытой самоорганизующейся психологической системе, не дифференцируя при этом отдельные уровни самоорганизации. Опираясь на достижения данных подходов, можно констатировать, что человек открыт миру на каждом из уровней жизнедеятельности, причём открыт именно тому содержанию, которое соответствует данному уровню. Рассмотрим это детальнее.

На уровне действия, конкретизируемого как гетерогенные композиции действий или операций, человек открыт новым способам совершения действий и появляющимся в операционально-действенном поле условиям, средствам, материалу. Открытость на данном уровне выражается в появлении неосознаваемых новых принципов и способов осуществления действия, которые могут возникать даже на уровне моторных обобщений. Проявлением открытости является и стремление к сверхнормативному совершенствованию качества исполнения и отточенности отдельных операций, избыточной для достижения поставленной цели. Всё это может становиться источником появления побочных продуктов деятельности, способствующих её преобразованию [11].

Открытость новым условиям, создающимся в ходе выполнения действия, часто приводит к усмотрению новых возможностей, в связи с которыми возникают и новые цели, иногда совершенно преобразующие исходное действие. Начальный образ цели часто не охватывает все детали желаемого результата, в нём тем более не могут быть учтены возникающие в ходе её достижения новые условия. При выполнении действия цель может уточняться и даже трансформироваться в силу изменений условий и материала, которые иногда «подсказывают» дальнейшие преобразования действия. Сюда можно отнести случаи, когда платье «само себя шьёт», а стихи «сами себя пишут». Изменения фасона

или формы отдельных деталей, общей композиции или конкретной рифмы диктуются в соответствии с законами «поля» – прегнантности, хорошей линии, звукосочетания или ритма и т. д. Знакомое многим появляющееся у автора в процессе творчества чувство неожиданной новизны созданного им произведения возникает именно потому, что в образе будущего, в цели содержались далеко не все детали желаемого результата, некоторые его элементы и вовсе не планировались. Процесс достижения цели может трансформироваться незапланированными обстоятельствами и неожиданными ограничениями, изменяющимися условиями и появляющимися новыми возможностями. При преодолении возникающих ограничений и использовании возможностей возникает результат, содержащий элементы, неожиданные и для его создателя, так что порой конечный продукт может быть лучше, совершеннее того образа, который автор представлял себе изначально.

Направление возникающих преобразований цели и способа действия, появление незапланированных продуктов задаются личностными ценностями. Именно они резонируют с возникающими новыми возможностями, которые потенциально в состоянии стать другими целями или свойствами конечного продукта, выделяют их и «метят» как значимые. Открытость уровня действия связана и с открытостью нижележащих уровней – реализующих его операций и движений. Как указывал Н.А. Бернштейн [22], никакое движение не может быть стереотипным повторением одних и тех же схем. Оно каждый раз очень пластично и гибко строится заново в соответствии с новыми внешними и внутренними условиями его осуществления, что В.П. Зинченко [23] обозначил понятием *живого движения*.

Итак, в процессе регуляции действия, направленного на определённую цель, возникают новообразования. Они преобразуют действие *изнутри*, тем самым процессы саморегуляции трансформируются в процессы самоорганизации.

Обратимся к следующему уровню, более высокому в рамках контекстуально-уровневой модели – *уровню деятельности*. Наличие в деятельности наряду с процессами регуляции процессов самоорганизации задано самим способом определения деятельности, подразумевающим как её инициацию человеком, так и самодвижение в ходе разворачивания реализующей её активности. Однако существующая традиция изучения процессов регуляции и саморегуляции деятельности исследует её чаще всего в некоторых нормативно заданных и ограниченных рамках, где она моделируется в ситуации эксперимента. Вследствие этого самые существенные для неё моменты инициации и трансформации остаются обычно за рамками исследования. Более того, исследователи не всегда имеют дело с той деятельностью, которой обозначают возникающую или регистрируемую в экспериментах активность. Нормативно или ситуативно «сверху» заданная деятельность часто не становится деятельностью в собственном смысле этого понятия или перестаёт ею быть, вырождаясь и превращаясь в замещающую или суррогатную активность, поскольку искажается конституирующий её мотив [2]. Те же эксперименты, которые организуются таким образом, что в лабораторных условиях дают возможность и даже подразумевают инициацию новой деятельности [1, 12–14], часто сталкиваются с феноменом выхода человека

за её пределы, поэтому они и составили основу формирующейся самоорганизационной парадигмы в психологии.

Открытость системы деятельности, конституируемой мотивом, реализуется в первую очередь через открытость её мотивации, которая также является развивающимся процессом. В соответствии с качественными преобразованиями мотивации в ходе деятельности происходят разнообразные сдвиги, иногда трансформирующие саму её суть. Порождение одной деятельности в рамках другой зафиксировано в понятии сдвига мотива на цель [2], доказано закономерностями возникновения новых видов деятельности в рамках ведущей в том или ином возрасте. Возможности трансформации мотивации показаны в исследованиях процессов ситуативного развития мотивации [24], содержательной разработки мотива [24, 25]. Различие гомеостатических и гетеростатических тенденций в образовании системы мотивации получило теоретическое оформление в модели мотивационного строения самоопределяемых и заданных действий [25].

Процессы самоорганизации на уровне деятельности подчёркиваются также понятием *самодетельности* [15, 16]. Она также является видом особенной деятельности, обозначение термином *самодетельность* подчёркивает её инициативный по отношению к нормативным для социального статуса и ролей человека характер. Такая деятельность может быть сверхнормативна и избыточна и с точки зрения уклада жизни отдельных групп и сообществ, являясь видом социального творчества, вносящего в жизнь общества определённую долю необходимого для существования и развития культуры разнообразия [26]. Она может быть избыточна и по отношению к устоявшейся индивидуальной системе деятельностей отдельного человека, возникая сверхнормативно помимо жизненно важных видов его активности, но будучи при этом абсолютно необходимой ему для реализации тех возможностей, которые не были востребованы на путях социализации.

Парадигма самоорганизации в психологии развивалась в трудах Н.М. Пейсахова [27], разработавшего представление о целостной системе самоуправления. Оно рассматривается исследователем как умственная деятельность, структура которой содержит следующие компоненты: анализ противоречий, прогнозирование, целеполагание, планирование, принятие решения, критерии оценки, самоконтроль и коррекция. Указывается, что, в отличие от процессов регуляции и саморегуляции, необходимость в самоуправлении возникает в ситуации неопределённости. С этим связано включение в контур самоуправления предшествующих целеполаганию звеньев анализа противоречий и прогнозирования, которые отсутствуют в схемах саморегуляции. Конкретно-психологические исследования в рамках данного подхода осуществлялись применительно к учебной деятельности студентов и профессиональной деятельности преподавателей вуза и также не выходили за рамки уровня отдельной деятельности.

В психологии сложилось также направление исследований, в котором используется термин *самоорганизация*. Однако в данных конкретно-психологических и педагогических исследованиях это понятие понимается узко, а именно как организация человеком самого себя в какой-либо изначально заданной деятельности, чаще всего учебной [28, 30]. При этом самоорганизация изучается

в основном или с точки зрения её операционно-технических сторон (как умение или способность к самоорганизации), или как свойство личности, исследуется также влияние того и другого на эффективность деятельности.

В рамках же философского осмысления и системного подхода самоорганизация, как уже было сказано выше, является понятием иного, гораздо более высокого уровня. Оно раскрывает особый тип закономерностей функционирования и развития сложных систем, условием существования которых является их открытость, постоянный процесс трансформаций и переходов от одного типа саморегуляции к другому, более высокому. К исследованиям закономерностей самоорганизации в таком её понимании гораздо ближе направления психологии, занимающиеся исследованиями процессов смысло- и целеполагания, личностного выбора и самоопределения личности. Это так, даже если сами исследователи не используют этот термин и продолжают трактовать данные процессы в рамках понятия саморегуляции. Однако данные процессы относятся скорее не к уровню деятельности, а к более высоким и масштабным (в рамках контекстуально-уровневой модели) уровням, а именно к уровням жизненной сферы, жизни в целом и к метасистемному уровню со-бытийной общности.

Самоорганизация человека в наддеятельностных уровнях жизнедеятельности изучена в гораздо меньшей степени, нежели на нижележащих уровнях. На уровне *сферы жизни* её проявления раскрываются в исследованиях человека как субъекта профессиональной деятельности и семейных отношений, хотя очевидно, что в современном обществе жизнь человека в этих сферах невозможна без актов самоопределения и личностного выбора, которыми человек постоянно определяет и себя, и свои отношения, и свой жизненный мир. Они осуществляются в условиях и обстоятельствах, которые не предскажешь и не задашь никакими сценариями. Часто использование новых возможностей, учёт обстоятельств и даже борьба с ними сходятся в некоем синтетическом итоге, в результате чего складывается уникальная линия жизни человека. Однако, например, большинство исследований семьи на разных этапах её развития не опираются на методологические идеи самоорганизации, которые, на наш взгляд, важны для понимания различных этапов становления семьи от выбора брачного партнера до преодоления кризисов, позволяющих выйти на новый уровень семейных отношений.

Открытость уровня *жизни в целом* также не вызывает сомнений, поскольку жизненные цели, за исключением некоторых, связанных с ближайшим будущим, не имеют той степени определённости, которая может обеспечить конкретные критерии для процесса регуляции. Они определяются скорее своим ценностным стержнем, нежели конкретно-предметным воплощением. Это, как указывает Е.И. Головаха [31], определённая сфера жизнедеятельности или линия поведения, соответствующие сложившейся иерархии ценностей, рассчитанные на период времени, который трудно установить заранее. В современном быстро изменяющемся мире, где не только сам человек меняется в ходе достижения им же поставленных целей, но на протяжении одной человеческой жизни неузнаваемо меняется и мир, в который эти цели проецируются, ставить цели как определённые раз и навсегда данные просто невозможно.

При этом жизненные цели, с одной стороны, абсолютно необходимы, чтобы направлять и оформлять активность человека, а с другой – они могут быть только очень общими, задающими скорее вектор движения, нежели представляющими образ конкретного результата, поэтому они постоянно доопределяются в ходе жизнеосуществления человека. Как пишет Л.И. Анцыферова, исследование «деятельности, направленной на достижение жизненных целей личности – всегда неопределенных, не замкнутых в жёсткий контур конкретности, обнаруживает, что деятельность, организованная целью, обогащает, развивает, амплифицирует эту последнюю, повышает её масштабность и мотивационный потенциал», и при этом «любые жизненные задачи... никогда не имеют одного единственного решения, и недорешённость – их основная особенность» [32, с. 10–11].

В ещё меньшей степени в психологии разработаны представления о самоорганизации на *метасистемном уровне*, конкретизируемом в контекстуально-уровневой модели через со-бытийную общность. Включённость жизни человека в большие системы очевидна, и можно ожидать соответствующих исследований в социальной психологии. И действительно, отдельные работы, использующие понятие самоорганизации, появились и развиваются в данной отрасли психологии. Так, разработаны представления о том, что социальное поведение личности регулируется взаимодействующими между собой процессами саморегуляции и самоорганизации [33]. Выявлено, что саморегуляция, обеспечивающая социально-психологическую адаптацию личности, опирается на принципы совместимости, сосредоточения и нейтрализации дисфункций, а самоорганизация, дающая относительную автономность, независимость и самореализацию, – на принципы актуализации и лабилизации функций. Как видим, при всей оригинальности работы Н.Н. Ярушкина всё-таки в центре внимания в ней остаются процессы адаптации. Кроме того, здесь не изучается собственно метасистемный уровень жизнедеятельности субъекта как контур саморегуляции и самоорганизации, вбирающий в себя контур жизни отдельного человека и его сфер жизни и тем самым определяющий смысловой контекст последних.

Итак, и в общей психологии, и в отдельных отраслях психологии в настоящее время процессы самоорганизации наиболее исследованы на уровне деятельности и её структурных уровней, то есть в рамках внутридеятельностных контуров регуляции. Однако методологические представления о самодвижении деятельности можно и необходимо распространить на более масштабные уровни организации жизнедеятельности, представляющие собой сложные системы деятельностей. Отдельные факты и закономерности, которые соответствуют по своей сути феномену самоорганизации, уже описаны в психологии труда, возрастной психологии, психологии семьи. На основе проведённой систематизации можно утверждать, что пока исследования гетеростатических тенденций на каждом уровне организации жизнедеятельности слишком разрозненны и не привели к созданию общетеоретической модели процесса самоорганизации в психологии. Открытыми остаются вопросы о том, можно ли закономерности, выявленные на материале исследования отдельной деятельности, переносить на понимание процессов вышележащих уровней, определяемых в контексте жизненной сферы и жизни в целом, существует ли (и если да, то какая) специфика механизмов и закономерностей на каждом из уровней. При этом необходимо

отметить, что большинство исследований внутридеятельностного контура организации жизнедеятельности проводится всё же в рамках парадигмы регуляции и саморегуляции, нежели самоорганизации.

Преобладание в современной психологии регуляторной парадигмы при большом корпусе данных, не соответствующих ей, можно объяснить хорошей теоретической проработанностью реализующих её кибернетических моделей по сравнению с теоретическими моделями самоорганизации. Будучи достаточно дифференцированными и сложными, обладающими значительным объяснительным потенциалом, они маскируют факт редукции в них ещё более сложных процессов.

Как известно, универсальная модель регуляторного процесса включает такие звенья, как целеполагание, моделирование, программирование, планирование, принятие решений, оценивание результатов, коррекция. В психологии эти звенья детально исследованы в одной из наиболее разработанных на сегодняшний день концепций регуляции – в структурно-функциональной модели осознанной саморегуляции деятельности человека О.А. Конопкина [34]. Но, как указывают Б.В. Зейгарник, А.Б. Холмогорова, Е.С. Мазур [35], описанные в конкретных исследованиях закономерности можно отнести лишь к первому, операционально-техническому уровню саморегуляции, а закономерности выделенного данными учёными второго уровня, связанного с регуляцией собственной мотивации, не раскрываются. Работа всех звеньев регуляции на более высоких уровнях и относительно более масштабных единиц регуляции жизнедеятельности также остаётся в психологии малоисследованной.

Кроме того, хотя функция целеполагания и соответствующее ей звено *цели* присутствует в данной модели, но, как отмечает В.И. Моросанова [36], при исследовании на её основе общих закономерностей саморегуляции деятельности всё внимание принципиально было направлено на описание закономерностей достижения уже принятых субъектом целей. Процесс выдвижения и принятия субъектом цели деятельности или поведения до сих пор остаётся малоизученным. В исследованиях личностных аспектов саморегуляции Моросанова раскрывает индивидуальные особенности функции осознанного планирования целей поведения с точки зрения его развитости, реалистичности, действенности, иерархичности этапных целей и их детерминации некоторыми устойчивыми свойствами личности [36].

Однако перевод вопроса в рамки исследования спектра индивидуальных различий и стилевых особенностей целеполагания не позволяет на обобщённом уровне создать принципиальную теоретическую модель, которая бы не просто показывала причины вариативности и индивидуального своеобразия в постановке целей, а раскрывала бы механизмы как целеполагания, так и изменения целей, возникновения новых в рамках прежних. Хотя полученные в них данные могут лечь в основу такой модели, но требуются ещё и исследования включённого в жизненные контексты реального целеполагания как процесса, что затруднено методически и, вероятно, осуществимо лишь косвенными средствами нарративного подхода, причём полученные с его помощью тексты могут быть лишь первичным материалом, требующим последующей реконструкции из них самого процесса.

В целом парадигма саморегуляции не имеет объяснительных возможностей для описания механизмов и закономерностей процесса преодоления человеком

неопределённости при создании и изменении целей, самоопределении в новых жизненных ситуациях и обстоятельствах. Схемы саморегуляции при их применении к личностному выбору или самоопределению остаются без своего главного компонента – целевого блока, задающего точные критерии целевого состояния, необходимые для осуществления любых регулятивных процессов, поскольку невозможно регулировать что-либо, не имея изначально признаков требуемого результата. Это касается и тех случаев, когда эти процессы направлены человеком на самого себя, что обычно фиксируют добавлением к термину *регуляция* добавочного *само-*. Всё это показывает необходимость обращения к понятию самоорганизации в объяснении процессов целеполагания, самоопределения, личностного выбора и т. п.

Теоретические схемы регуляции не могут раскрыть закономерности процессов, связанных с нечёткими, размытыми целями и критериями, которые должны доопределяться в зависимости от ситуации (вероятностными целями). Таких процессов немало, и даже на уровне опознания образов, как пишет А.Г. Асмолов, человек часто имеет дело с «плохо сформулированными задачами», похожими на сказочную формулу «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что», а в широких жизненных контекстах это является скорее правилом, чем исключением [3, с. 133]. Самое интересное, что это «нечто» потом обязательно где-то находится, но доопределяется оно в момент встречи с ним человека в определённом пространстве-времени, а до того ему неизвестно (хотя, надо сказать, это особенная, *известная* неизвестность). Психология фактически давно уже описывает аналогичную феноменологию, однако, как указывает В.Е. Ключко [1], не всегда рефлектирует по поводу другого, более высокого уровня системности данных явлений.

Схема контура самоорганизационных процессов выстраивается в основном по аналогии с моделью саморегуляторных, и, вероятно, поэтому многие учёные не видят оснований для их различения как принципиально разных, тем более что, как полагает В.С. Степин [10], сложные саморазвивающиеся системы в качестве своего аспекта включают процессы саморегуляции. Большинство же конкретно-психологических исследований саморегуляции исходят из заранее заданных целевых состояний, а блок целеполагания как творения своих жизненных целей взрослым человеком продолжает оставаться самым загадочным в психологии с точки зрения понимания его механизмов и закономерностей.

Поскольку цель часто не является точным образом будущего, то соответствие результата действия начальной цели иногда только ещё должно быть обнаружено в том, что получено и доопределено, что требует открытости новому. В.А. Петровский [12], описывая эту открытость, отмечает также, что человек часто уже при постановке цели заранее предполагает, что достигнутый результат будет отличаться от предполагаемого, то есть он, полагая цель, одновременно принимает и факт вероятного достижения чего-либо другого. Эти явления не укладываются в рамки представлений о регуляции и саморегуляции. Последние методологически недостаточны для описания закономерностей и механизмов их возникновения, так как по своей сути и определению ориентированы на конкретный образ цели.

Ещё большую проблему в этих условиях представляет раскрытие закономерностей работы механизма оценки человеком степени реализации собственных жизненных ценностей и хода самореализации или жизнеосуществления. Поэтому по отношению к регуляции жизни авторы пишут о «чувстве пути» [37], которое не задаёт направление движения в целом и не даёт образа конечной цели, а позволяет лишь ощущать «правильность» конкретных шагов, решений, критерием которых становится их соответствие своему Я (заметим, также изменяющемуся в ходе жизни). Не случайно в качестве одной из задач развития личности в период молодости выступает задача увязать мечту с реальностью [38]. Феномен своевременности как составляющей стратегии жизни человека [20] можно отнести к классу явлений этого же рода. Его существование возможно только в единстве процессов самодвижения в развитии человека и его мира, во взаимонастроенности и соответствии их друг другу. Органом такой настройки и является открытый себе и миру человек.

При переходе к представлению о жизни как о самоорганизации человека и его мира снимается возникшее в рамках регуляторной парадигмы разделение жизни на жизнедеятельность как управляемый ресурс и бытие как открытость жизни и её принятие. Самоорганизация не отрицает процессы регуляции, а включает их в качестве частного случая и, кроме того, подразумевает схватываемую понятием бытия открытость человека миру. Тем не менее представления о регуляции и саморегуляции продолжают доминировать в современной психологии, хотя уже назрела необходимость перехода к парадигме самоорганизации в тех её областях, где требуется учитывать саморазвитие, его интегральные характеристики и закономерности. Отсутствие хорошо проработанной методологии таких исследований и универсальных теоретических схем, подобных кибернетической модели, тормозит этот непростой переход.

Итак, проведённый анализ показал, что в современной психологии существует противоречие между реальным богатством фактов, доказывающих наличие гетеростатических тенденций на каждом уровне организации жизнедеятельности, и преобладанием в ней регуляторной парадигмы. Особенно явным оно становится при изучении наддеятельностных контуров, которые характеризуются высокой степенью открытости жизненных целей. Теоретические схемы регуляции, преобладающие в науке, не могут раскрыть закономерностей процессов, ориентированных на нечёткие размытые целевые состояния и критерии, которые доопределяются и изменяются в ходе жизни человека. Это порождает более частную проблему специфики психологических закономерностей и механизмов осуществления обратной связи в наддеятельностных контурах – на уровне целостной жизни и её отдельных сфер. Именно эти механизмы раскрывают то, как человек оценивает реализацию собственных жизненных ценностей и своё жизнеосуществление в целом.

Summary

N.R. Salikhova. Self-Organization at Various Levels of Activity of a Person as a Subject of Life.

Using the contextual-level model for the value-and-conceptual organization of the life activity of a subject, we systematized the ideas about the phenomena of self-organization in psychological systems. These ideas show the presence of heterostatic tendencies at every level

of life activity. We revealed that self-organization processes in psychology are most studied at the levels of activity and action. Self-organization at the metasystemic level of the co-existent community is poorly investigated. The common features of self-organization at all levels are the following: the openness of purposes, the low degree of specificity of its image, and the transformation of a purpose during activity. The problem of revealing the feedback mechanisms in large-scale conceptual contexts of life is a promising issue for future research.

Keywords: life activity, activity, action, co-existent community, regulation, self-regulation, self-organization, contextual-level model.

Литература

1. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Том. гос. ун-т, 2005. – 174 с.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
3. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, Академия, 2007. – 528 с.
4. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – 424 с.
5. *Салихова Н.Р.* Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства личности // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 5. – С. 183–199.
6. *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. – М.: Моск. гос. ун-т, 1979. – 151 с.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
8. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 114–196.
9. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
10. *Стёпин В.С.* Проблемы описания развивающихся систем // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 11–24.
11. *Пономарёв Я.А.* Психология творчества и педагогика. – М.: Педагогика, 1976. – 280 с.
12. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.
13. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Ростов н/Д: РГУ, 1983. – 172 с.
14. *Клочко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991. – 46 с.
15. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
16. *Попов Л.М.* Психология самодеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1992. – 32 с.
17. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 270 с.
18. *Гинзбург М.Р.* Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопр. психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–52.
19. *Мандрикова Е.Ю.* Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 27 с.
20. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциальная психология взрослости. – М.: Смысл, 2013. – 767 с.

21. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2005. – Т. 2, № 4. – С. 3–21.
22. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.
23. *Зинченко В.П.* Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Ч. I: Живое знание. – Самара: Самар. дом печати, 1998. – 296 с.
24. *Виллюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 288 с.
25. *Патяева Е.Ю.* Культурно-исторический анализ развития мотивации личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2010. – 29 с.
26. *Иванченко Г.В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 207 с.
27. *Пейсахов Н.М., Шевцов М.Н.* Практическая психология (научные основы). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 122 с.
28. *Устинова Я.О.* Формирование умений самоорганизации и самоконтроля учебной деятельности у студентов вузов: Дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2000. – 191 с.
29. *Филоненко В.А.* Формирование умений профессиональной самоорганизации у студентов педагогического колледжа: Дис. ... канд. пед. наук. – Армавир, 2008. – 195 с.
30. *Ишков А.Д.* Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 202 с.
31. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодёжи. – Киев: Наукова думка, 1988. – 143 с.
32. *Анциферова Л.И.* Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и её жизненный путь. – М.: Наука, 1990. – С. 7–17.
33. *Ярушкин Н.Н.* Саморегуляция и самоорганизация социального поведения личности: Дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1998. – 406 с.
34. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // *Вопр. психологии.* – 1995. – № 1. – С. 5–12.
35. *Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б., Мазур Е.С.* Саморегуляция в норме и патологии // *Психол. журн.* – 1989. – Т. 11, № 2. – С. 12–24.
36. *Моросанова В.И.* Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // *Психол. журн.* – 2002. – Т. 23, № 6. – С. 35–47.
37. *Леонтьев Д.А.* К психологии поступка // *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия.* – 2006. – № 2 (9). – С. 153–158.
38. *Levinson D.* A conception of adult development // *Amer. Psychologist.* – 1986. – V. 41, No 1. – P. 3–13.

Поступила в редакцию
30.09.14

Салихова Наиля Рустамовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: nsalihov@yandex.ru